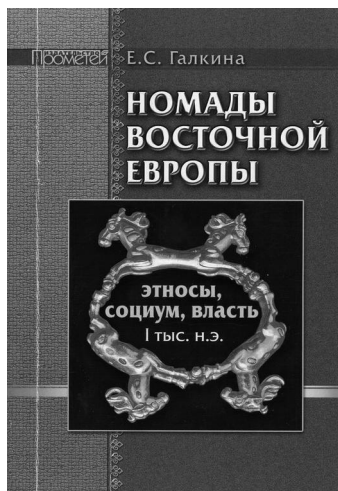
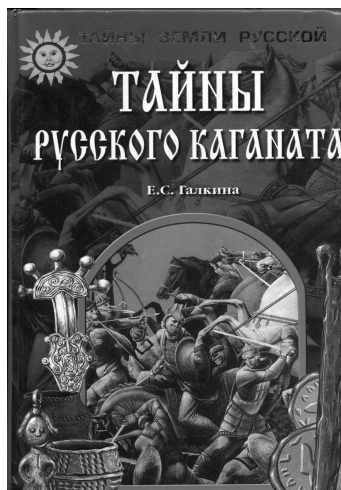

Максим ЖИХ

К ПРОБЛЕМЕ «РУССКОГО КАГАНАТА»: ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ЕЕ СТЕПНЫЕ СОСЕДИ

К числу новаторских работ, вносящих в науку поток свежих идей, но одновременно порождающих и новые серьёзные вопросы, принадлежат исследования Е.С. Галкиной по этнокультурной истории Юго-Восточной Европы эпохи раннего средневековья¹.

Тема начала Руси и тесно связанная с ней проблема становления древнерусской государственности всегда была одной из центральных в историографии. Естественно, что за почти трёхвековую историю изучения этого вопроса решений его было предложено немало². И среди множества вопросов, на которые распадается эта грандиозная тема, всегда особое место занимал вопрос о так называемом «Русском каганате».

При его рассмотрении приходится решать множество частных вопросов ранней истории Руси и её взаимоотношений с Хазарией, каждый из которых сам по себе является темой для дискуссий. В Русском каганате видели и первое восточнославянское государство – зародыш будущей Киевской Руси, и какую-то область, подчинённую Хазарии, и государство, созданное норманнами на севере Восточной Европы, и др.³

Здесь нужно сразу обозначить один важный момент. У ряда профессиональных историков и археологов, не занима-

ющихся напрямую проблемами начальной русской истории, очень часто возникает вопрос о самом термине «Русский каганат». О том, насколько он соответствует реалиям эпохи, и не придумано ли это поня-

тие путём некорректного обращения с источниками⁴. Ведь в источниках есть только упоминания о *кагане* русов, но нет *каганата*. Тогда, впрочем, позволительно поставить аналогичный вопрос и о Хазарском *каганате*, ибо в раннесредневековых источниках такое понятие также не встречается. Учитывая сам характер упоминаний о кагане русов и то, что упоминания эти относятся к *независимым* друг от друга традициям (скажем, восточной и западноевропейской), мы имеем полное право говорить именно о *каганате* – т. е. многоуровневом политическом объединении. Именно его многоуровневый характер и привёл к принятию его правителями титула каган (т. е. правитель над правителями).

В современной историографии при изучении вопросов начала этнокультурной истории Руси вернула себе преобладание неоднократно опровергавшаяся ранее норманская (или, вернее сказать, норманско-хазарская) концепция, суть которой Е.С. Галкина определяет так: «Восточная Европа VIII – X вв., согласно представлениям нынешних норманистов, была разделена на две примерно равные сферы влияния: с северных областей взимают дань варяги-норманны (они же русы), с южных – иудейская Хазария» (Русский каганат. С. 5-6). В наибольшей мере такой подход характерен для работ В.Я. Петрухина⁵, но в той или иной форме присутствует и в работах целого ряда других исследователей⁶.

Но возникает вопрос об обоснованности данной теории, о том, что у неё есть в активе, на какие источники она опирается и какова её методологическая база. И вот тут оказывается, что проблема вовсе не так проста, как хотят её представить новейшие учёные этого направления.

Главным оппонентом современных норманистов много лет являлся А.Г. Кузьмин. Если коротко резюмировать его взгляды на проблему происхождения Руси⁷, то суть их состоит в том, что в древности не было единой «изначальной Руси». Русами (или сходными именами) разные источники называют подчас *разноэтнические* образования. Именно поэтому их сведения столь противоречивы, именно поэтому так долго ломают копыя историки, тщетно пытаясь эти противоречивые свидетельства как-то согласовать. А речь на самом деле, по мнению ученого, идёт о *разных* народах – в этом и есть ключ к решению проблемы. И одними из этих русов были русы иранского происхождения.

Не будем вдаваться в детальную оценку результатов научных поисков А.Г. Кузьмина – это отдельная большая тема. Для нас сейчас гораздо важнее, что мысль об иранских истоках Руси имеет прочную историографическую традицию. Лингвистами уже давно обосновывается мысль об иранском происхождении самого этнонима «русь»⁸, что

вовсе не является удивительным: целый ряд ранних славянских этнонимов имеет иранское происхождение (анты, сербы, хорваты и др.)⁹. Это, по-видимому, объясняется длительным славяно-иранским этническим симбиозом, имевшим место в первые века нашей эры в ареале черняховской археологической культуры¹⁰.

Надо отметить, что полемика «норманистов» и «антинорманистов» слишком часто напоминает «спор глухих», при котором стороны отказываются слышать друг друга и искать новые пути в решении старых проблем. Именно попыткой найти такой принципиально новый путь и явилась монография ученицы А.Г. Кузьмина Е.С. Галкиной.

В своё время М.И. Артамонов, развивая концепцию иранского происхождения Руси, высказал очень осторожную мысль об ираноязычном народе русов, связанном с аланами – носителями более поздней салтовской культуры верховьев Северского Донца, Оскола и Дона¹¹. В то же время учёный заложил и основы концепции, согласно которой Хазария господствовала над всем югом Восточной Европы. Материальным выражением этого господства являлось, по мнению М.И. Артамонова, существование единой археологической культуры Хазарии, в которую в качестве локального варианта он включил и салтово-маяцкую культуру¹². Позднее И. И. Ляпушкин показал, что оснований для такого предположения недостаточно¹³. Однако он четко не объяснил, какому из древних народов принадлежала столь развитая культура.

Эта недосказанность позволила последующим исследователям игнорировать вывод о самостоятельности салтовской культуры по отношению к культуре Хазарии. «Что же касается аланского варианта СМК (*салтово-маяцкой культуры* – М.Ж.) Подонья, – писала, например, С. А. Плетнёва, – то о нем не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что *имя аланов скрыто* в источниках под каким-то другим ...названием»¹⁴. Попытавшись разрешить это противоречие, исследователи заключили, что «аланы Верхнего Дона слились с основным населением Хазарского каганата – хазарами – и вошли в состав этого государства»¹⁵.

Как часто бывает с недостаточно обоснованными, но «удобными» концепциями, построения С.А. Плетнёвой быстро стали господствующими, хотя ни археологическими¹⁶, ни письменными¹⁷ источниками обосновать их невозможно. Никаких оснований включать салтовскую культуру в состав Хазарии у нас нет (Русский каганат. С. 139-191; Номады. С. 327-369, 385-391). Хотя многие современные авторы смотрят на проблему ее атрибуции именно в духе концепции Артамонова –

Плетнёвой и не замечают очевидных противоречий между ней и собственными материалами¹⁸.

Возможность принципиально иного подхода к анализу этнополитической ситуации на юге Восточной Европы еще в 1970 г. наметил украинский археолог Д.Т. Березовец, который, развивая концепцию иранского происхождения Руси, преимущественно в её интерпретации М.И. Артамоновым, высказал в статье «Об имени носителей салтовской культуры» мысль, согласно которой русы восточных источников – это ираноязычные носители лесостепного варианта салтовской культуры¹⁹. Такой неожиданный вывод не нашёл поддержки в последующей историографии²⁰, так как противоречил всем основным концепциям как древнейшей истории Руси и Хазарии, так и истории русско-хазарских отношений. Хотя сам Д.Т. Березовец всё же не рискнул утверждать, что этими русами было создано сколько-нибудь значительное политическое объединение, полагая, что они подчинялись Хазарии, его выводы оказались неприемлемыми для большинства археологов-хазароведов: именно за счёт ареала салтовской культуры они, как уже говорилось выше, обосновывали тезис о значительной территории Хазарского каганата, включавшей в себя Подонье и Подонцовье²¹. Неприемлемым этот тезис оказался и для тех исследователей, которые отстаивали идею о Среднем Поднепровье как о древнейшей территории Руси²². Неприемлема подобная мысль, разумеется, и для новейших сторонников норманской теории²³. Между тем, идея Д.Т. Березовца представляется весьма перспективной и совершенно незаслуженно отвергнутой²⁴, что хорошо показали рассматриваемые нами работы Е.С. Галкиной.

В сжатом виде концепция истории Русского каганата была изложена Е.С. Галкиной ещё в статье, написанной совместно с А.Г. Кузьминым, где авторы, приняв за основу своих построений выводы Д.Т. Березовца, пошли существенно дальше, выдвинув тезис о существовании Русского каганата – значительного политического объединения, созданного на рубеже VIII – IX вв. ираноязычными народами, жившими в верховьях Дона, Северского Донца и Оскола²⁵. Археологически Русский каганат – это территория салтовской культуры с её белокаменными замками²⁶, развитыми ремеслом и торговлей, а, возможно, и с собственным монетным делом. Русский каганат первой трети IX в. – сильная держава, находившаяся в жестоком противоборстве с Хазарией²⁷ и в конце концов сокрушённая последней²⁸. Часть русов при этом ушла в Прибалтику, где они известны ряду позднейших авторов (Адам Бременский, Географ Равенский, Оттон Бамбергский, Герборд, Эббон и др.). В этой связи исследователи отождествили упоминаемый неоднократно в арабо-персидской средневековой географической литературе загадочный «остров русов» с островом Сааремаа у берегов со-

временной Эстонии. Данный сюжет соединил в себе информацию о Русском каганате и позднейшем месте обитания салтовских русов.

В дальнейшем Е.С. Галкина опубликовала целый ряд работ, посвящённых отдельным сюжетам в рамках проблемы «Русского каганата», где продолжила обоснование этой оригинальной концепции²⁹, основой обоснования которой являются результаты сопоставления сведений восточных географических сочинений (в первую очередь, анонимных «Пределов мира», содержащих *взаимные координаты* различных народов и географических объектов) с этнокультурной и археологической картами Юго-Восточной Европы, где в этот период времени существовала салтовская археологическая культура (Русский каганат. С. 63-191, Номады. С. 179-270, 385-413), на территории которой восточные авторы и помещают русов.

Данный вывод противоречит концепциям как «норманистов», стремящихся отыскать русов на севере Восточной Европы, так и их оппонентов, которые ищут их в Среднем Поднепровье. В целом в изучении проблем этнокультурной истории Юго-Восточной Европы возник своеобразный замкнутый круг: археологи при включении земель верховьев Северского Донца, Оскола и Дона в состав Хазарского каганата, как правило, ссылаются на общеисторические и источниковедческие работы, а затем эти выводы археологов принимаются авторами общеисторических и источниковедческих работ в качестве «независимого» доказательства исходного положения. Разумеется, если дальше следовать логике этого замкнутого круга, то движение науки вперёд будет совершенно невозможно.

В результате реализуемого Е.С. Галкиной комплексного подхода к изучаемой проблематике перед нами предстаёт яркая и в значительной мере новая картина истории целого ряда народов Юго-Восточной Европы, в которой особое внимание уделено истории ираноязычных аланов от эпохи Великого переселения народов до конца I тыс. н. э. Именно аланами, по убеждению исследователя, и было создано на рубеже VIII – IX вв. политическое объединение, правители которого, претендуя на гегемонию в указанном регионе, принимают высший из известных им титулов – титул кагана. Материальным выражением рождения этого политического объединения явилась яркая салтовская культура, носителями которой были освоены и собственное монетное производство, и руническая письменность, нередко без достаточных оснований приписываемые тюркам-хазарам (Русский каганат. С. 139-235, Номады. С. 407-446). Именно от Русского каганата, соседями которого были восточные славяне, последние получили богатое культурное наследие, в том числе и само название «русь», и титул (или почётное определение) кагана, которым иногда обозначали древнерусских князей (Русский каганат. С. 353-359).

Всё вышеперечисленное (а именно развитое ремесло и торговля, военная организация³⁰, появление монументальной архитектуры, собственного монетного дела и письменности) позволило Е.С. Галкиной сделать вывод о наличии у салтовцев-алан собственной *раннегосударственной организации* (Русский каганат. С. 190-191, Номады. С. 391-399), с чем, вероятно, следует согласиться.

Один из важнейших вопросов, затронутых исследователем, – вопрос соотношения социальных элит Русского каганата и Киевской Руси и шире – соотношения этих политических образований вообще. Если ранее Русский каганат (независимо от его южной или северной локализации) рассматривался в качестве *прямого предшественника* Киевской Руси, то работы Е.С. Галкиной устанавливают их дискретность. А отождествление носителей салтовской культуры с населением Русского каганата позволяет по-новому поставить вопрос о происхождении социально-политической элиты Древней Руси IX – X вв., которая, согласно Константину Багрянородному, именовалась «русами» и противопоставлялась «славянам»³¹. Эти сведения наводят на предположение, что на Руси была реализована модель политогенеза, близкая к болгарской (на Дунае), когда коренное славянское население подверглось завоеванию, в результате которого образовалась иноэтничная правящая элита. Получается, что древнерусский политогенез осуществлялся в условиях этнокультурного синтеза, в котором участвовали салтовские аланы-русы и восточные славяне. А это, в свою очередь, ведет к пересмотру всей картины ранней истории Руси.

Проблемы *этнополитогенеза*, его возможных путей и вариантов занимают в работах Е.С. Галкиной центральное место. Обращение к ним привело исследователя к созданию новой обобщающей работы по истории кочевых обществ Юго-Восточной Европы – «Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть».

Сразу нужно отметить, что данное исследование – первая в отечественной историографии работа, в которой системно изучена этнокультурная и социально-политическая история кочевых обществ Юго-Восточной Европы на протяжении всего I тыс. н. э. Ранее исследователи обращались лишь к истории отдельных народов или их политических объединений, сменявшихся подчас с калейдоскопической быстротой, но никогда прежде никто не рассматривал *сквозной процесс* этнического, политического, социального и культурного развития номадов восточноевропейского региона на столь значительном отрезке времени.

Развивая существующие на сегодняшний день научные представления о политогенезе кочевых обществ, в разработку которых внесли немалый вклад как отечественные (Б.Я. Владимирцов, Г.Е. Марков, А.М. Хазанов, Н.Н. Крадин, Е.И. Кычанов, С.А. Плетнёва и др.), так и зарубежные исследователи (П.Б. Голден, Р. Коэн, В. Айронс, Л. Крэ-

дер, Д.М. Данлоп, О. Прицак и др.), Е.С. Галкина рассматривает социально-политическое развитие кочевых обществ Юго-Восточной Европы как *единый* по сути процесс, подчинённый общим закономерностям развития. Это тем более оправдано, если учесть, что в промежутке между нашествием гуннов (IV – V вв.) и вторжением венгров и печенегов (IX – X вв.) население степной полосы Восточной Европы слагалось из двух главных этнических компонентов: ираноязычных народов, доминировавших до эпохи Великого переселения народов, и «позднегуннских» племен, этническую принадлежность которых далеко не всегда можно с уверенностью определить (савиры, хазары, булгары и др.).

Соответственно, по мнению Е.С. Галкиной, можно выделить и два типа этнополитогенеза номадов Юго-Восточной Европы (Номады. С. 447-452): североиранский (аланы и русы) и тот, который можно условно назвать хазарским и который был характерен для всех «позднегуннских» этносов (Номады. С. 450-452). Первый из этих путей завершился созданием Русского каганата, второй - образованием Хазарии. Это были два совершенно разных политических объединения с различной экономической структурой и политической организацией.

Для североиранского пути характерен полуседлый тип хозяйствования с равным примерно значением земледелия³² и скотоводства, в основе чего лежала североиранская идеологическая традиция, приравнивавшая земледельцев и ремесленников к рядовым кочевникам. Именно эти факторы естественно вели и к интеграции с иноэтничными и инокультурными объединениями (в частности, восточнославянскими). Со временем всё это привело к политической интеграции ряда племён, объединившихся в одно вертикально интегрированное потестарное объединение – Русский каганат. В экономической сфере эта полуседлая модель ведения хозяйства привела постепенно к производящей экономике с хозяйством, основанным на высокоразвитом ремесленном производстве и торговле, в том числе и внешней.

Экономическую основу хазарского пути составляло кочевое скотоводство и экзотэксплуатация оседлого земледельческого населения (грабительские набеги и дань). Для политического развития обществ, идущих по этому пути, характерна насильственно осуществляемая вертикальная интеграция (подчинение одних этносов другими). В итоге возникает так называемая «кочевая империя» – рыхлое и нестабильное политическое образование, основанное исключительно на завоевании, причём включённые, преимущественно насильственным путём, в его состав этносы могут находиться на разных ступенях социально-экономического, политического и культурного развития. Такими были Тюркский каганат и Хазария. Последняя сумела объединить практически все «позднегуннские» этносы Юго-Восточной Ев-

ропы. Именно насильственный характер вертикального объединения различных этносов объясняет внутреннюю слабость Хазарского каганата и его внутренние диспропорции.

В целом проблема хазарского политогенеза является ещё малоисследованной. Хазарию обычно довольно уверенно называют государством (вспомним хотя бы *название* известной работы А.П. Новосельцева), но в сущности данное положение никогда и никем всерьёз не обосновывалось, как не рассматривалась и в принципе проблема государствообразовательных процессов, которые имели место в Хазарии. Е.С. Галкина пробует заполнить и этот немаловажный историографический пробел.

Первый этап истории средневековых хазар связан с эпохой арабо-хазарских войн. Именно в горниле борьбы с арабами произошло становление самого хазарского этноса и рождение возглавляемого хазарами потестарного объединения, куда вошли савиры, ряд «позднегуннских» племён Предкавказья и Великой Булгарии (Номады. С. 271-327). Именно внешняя опасность в лице арабов явилась толчком, благодаря которому произошло объединение нескольких этносов под главенством хазар, центр которого был расположен на территории современного Дагестана.

Позднее под ударами арабов происходит массовое перемещение населения из Предкавказья на север, в степи между низовьями Волги и Дона, где процессы политогенеза приводят к многоуровневой интеграции населения, объединённого в составе Хазарии: 1) иудео-хазарский этнос-страта, охраняемый мусульманами-наёмниками и связанный с транзитной торговлей; 2) племенная кочевая аристократия; 3) рядовые хазары-кочевники. Деление этносов, подчинённых хазарам, было относительно более простым и развивалось по линии элита – рядовое кочевое население. Постепенно иноэтничное рядовое кочевое население сливалось с хазарским, то же самое происходило и с элитами. Все это вело к постепенному оформлению множества «позднегуннских» племён Юго-Восточной Европы в единый хазарский этнос. Вероятно, к концу истории каганата процесс этнической консолидации его населения уже достиг определенных результатов.

Столь сложно интегрированная система, состоявшая из многих народов и общественных страт, позволяет говорить о формировании в междуречье Нижней Волги и Дона в IX – X вв. *раннего государства*, в котором представлен главный структурообразующий признак государства – наличие власти, решительно оторванной от народа и противостоящей ему, что нашло и своё идеологическое оформление: элита Хазарии принимает иудаизм, в то время как массы населения продолжали исповедовать разнообразие языческие культы, христианство и ислам (Номады. С. 378-384). Это отделение власти от народа вырази-

лось также в создании наёмной армии из мусульман Средней Азии, полностью оторванной от населения каганата и ставшей опорой власти его иудаизированной элиты.

Работы Е.С. Галкиной, на наш взгляд, имеют важное значение для изучения как проблем начала Руси, так и истории Хазарии и кочевых этносов Юго-Восточной Европы рубежа I – II тыс. н. э. По количеству новых смелых идей и заново поставленных вопросов эти работы заметно выделяются из ряда подобных исследований, опубликованных за последнее время. Не все предлагаемые решения можно признать бесспорными. Важно другое: рождение новой научной концепции стимулирует дискуссию, а значит, способствует дальнейшему развитию исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Галкина Е.С. 1) Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002 (далее – Русский каганат); 2) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н. э.). М.: Прометей, 2006 (далее – Номады).

2. Новейшие историографические обзоры см.: Хлевов А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997; Славяне и Русь: проблемы и идеи: Концепции, рождённые трёхвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. М., 2001; Фомин В.В. 1) Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; 2) Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006; Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

3. См.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 22-46; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 194-197; Шаскольский И.П. Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 43-54; Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150-159; Седов В.В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001; Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 18-24 и др.

4. См., напр., новейшую работу А.И. Филюшкина (Филюшкин А.И. Титулы... С. 18-24).

5. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси. Смоленск, М., 1995; Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры: Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000.

6. См., напр.: Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 41-78; Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 36-76 и др.

7. Наиболее полно они изложены в последней работе историка: *Кузьмин А.Г.* Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.

8. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1973. Т. 2. С. 435-437; *Трубачёв О.Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

9. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Славянские древности: этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980; *Трубачёв О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999.

10. *Седов В.В.* 1) Славяне в древности. М., 1995. С. 233-286; 2) Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 150-198.

11. *Артамонов М.И.* История хазар. 2-е изд. СПб., 2002. С. 297-301.

12. *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления Северо-Западной Хазарии // Советская археология. 1940. Вып. VI.

13. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии. М., 1958. № 62.

14. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии. М., 1967. № 142. С. 186.

15. Там же.

16. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры...; *Мерперт Н.Я.* «Верхнее Салтово» (Салтовская культура). Дисс. канд. ист. наук. М.; Л., 1949; О генезисе салтовской культуры // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. 36.

17. *Рыбаков Б.А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Вып. XVIII. М., 1953; *Галкина Е.С.* Территория Хазарского каганата IX – 1-й пол. X в. в письменных источниках // Вопросы истории. 2006. № 9.

18. См., напр., сборник: Хазары / Ред. кол.: В.Я. Петрухин (и др.). Иерусалим; М., 2005 (Евреи и славяне. Т. 16) (особенно статьи А.В. Комара, В.С. Аксенова и В.В. Колоды). См. также: *Тортика А.А.* Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья – Придонецья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Вып. 1.

19. Археологія: Сборник. Т. XXIV. Київ, 1970.

20. Единственное известное исключение составляет работа воронежского краеведа А.Г. Николаенко «Северо-Западная Хазария или Донская Русь?» (Волоконовка, 1991).

21. См., напр.: *Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1986; На славяно-хазарском пограничье. М., 1989; *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. 2001. № 2 и др.

22. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982. С. 55-90. Благодаря работам Б.А. Рыбакова положение о среднеднепровских истоках Руси получило широкое распространение. Любопытно, что в вопросе о происхождении этнонима «русь» Б. А. Рыбаков так и не смог прийти к определенному решению, предположив только его связь с названием речки Рось, происхождение которого остаётся не вполне ясным, причём наиболее вероят-

ной является как раз его иранская этимология (*Трубачев О.Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 237, 262).

23. См., напр.: *Новосельцев А.П.* 1) Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; 2) Образование Древнерусского государства...; *Петрухин В.Я.* 1) Начало этнокультурной истории Руси; 2) Древняя Русь... и др.

24. *Галис Д.Л.* Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. Поддержал идеи Д.Т. Березовца А.Г. Кузьмин (*Кузьмин А.Г.* Хазарские страдания // *Кузьмин А.Г.* Мародёры на дорогах истории. М., 2005. С. 272-277 и сл.), но, к сожалению, недостаточно их развил.

25. *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Русский каганат и остров руссов // Славяне и Русь...

26. Обычно ранее они трактовались как пограничные укрепления Хазарии, направленные против восточных славян – см.: *Плетнёва С.А.* На славяно-хазарском пограничье; *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства...

27. Именно поэтому правители русов и приняли титул кагана, считавшийся у народов евразийских степей – от жуань-жуаней до монголов – наивысшим, что свидетельствует об их претензиях на первенство в регионе.

28. Предшествующие исследователи говорили в связи с этим о гражданской войне (*Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. С. 324 и сл.) или о «смуте» (*Новосельцев А.П.* Хазарское государство... С. 132) в Хазарском каганате, последовавшей за принятием этим государством иудаизма. По мнению Е.С. Галкиной и А. Г. Кузьмина, правильнее говорить о «схватке между двумя каганатами» (*Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Русский каганат... С. 462).

29. *Галкина Е.С.* 1) Салтово-маяцкая культура и проблема Русского каганата // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-политические науки. М., 1997; 2) К осмыслению титула «хакан русов» в арабо-персидской географии IX – XII вв. // Там же. М., 2003; 3) К проблеме локализации народов Юго-Восточной Европы на этнической карте географов «школы ал-Джайхани» // Ученые записки Центра арабских исследований Института востоковедения РАН. М., 2003. Вып. 3; 4) «Хакан рус» в средневековой арабской географической литературе // Глобализация и мультикультурализм: Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток – Запад», 14-16 апреля 2003 г. М., 2004 и др.

30. О ней см.: *Бубенок О.Б.* Алани-аси Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хозар // Хазарский альманах. Вып. 1. Автор, правда, исходит из бездоказательного тезиса о зависимости салтовских алан от Хазарии, что, однако, не меняет общей картины их военной организации, обрисованной исследователем.

31. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцев. М., 1989. С. 51 и др.

32. О развитии земледельческого хозяйства у салтовских алан см. новейшую работу: *Колода В.В., Горбаненко С.А.* Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова // Хазарский альманах. Киев; Харьков; Москва, 2004. Вып. 2.